

А. Е. Лукина

**РОЛЬ СУБЪЕКТА В ОРГАНИЗАЦИИ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСЕЙ ФАБЛИО)**

Работа представлена кафедрой романской филологии.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Л. А. Становая

На сегодняшний день в языкознании в рамках таких современных направлений, как когнитивистика, прагмалингвистика, психолингвистика, различных отраслей прикладной лингвистики, проблема роли субъекта в

конструировании речевого контекста в частности, и формировании языкового пространства в целом поставлена весьма однозначно. Никто сегодня уже не отрицает, что именно мыслящий субъект (антропос в пе-

реводе «человек») находится в центре организации устного/письменного высказывания. Однако если говорить об истории французского языка, то и по сей день не существует специальных исследований, раскрывающих и объясняющих появление той или иной языковой формы в исторических памятниках с позиций мыслящего субъекта, т. е. в рамках антропоцентрического подхода.

Тем не менее во второй половине XX в. интерес к личности сcribe как пишущего субъекта в истории французского языка начинает возрастать. Так, Б. Уоледж в своих работах по французским рукописям подробно разбирает каждую языковую форму и контекст, в котором она употребляется, и пытается вскрыть причины, побудившие сcribe использовать данную форму в этом контексте.

Материалом нашего исследования послужили фаблио, представленные рукописными вариантами, выполненными в XIII-XIV вв. в рамках различных французских скриптов (центральнофранцузской, пикардской, нормандской, англо-нормандской). Данные списки фаблио интересны для нас тем, что, сравнивая их, мы отметили сходство контекстов на уровне содержания и при этом их различие на уровне языковой организации, конструирования временного пространства текста: использование разных временных плоскостей

в повествовании, употребление различных наклонений. Данное расхождение в употреблении глагольных форм времени и наклонения в списках рукописных вариантов фаблио мы называем **варьированием**.

Анализ рукописных вариантов фаблио показал, что в центре рукописного текста фаблио находится субъект (scribe), который, ориентируясь на протограф(ы), не слепо копировал рукопись и четко следовал заданному в источнике языковому изложению, а словно «пропускал через себя» этот текст и создавал в какой-то степени новое свое собственное произведение. Именно scribe, как говорящий и пишущий субъект, избирал соответствующее глагольное время или наклонение, для того чтобы передать свое восприятие событий произведения.

Так, например, для рукописных вариантов фаблио весьма характерно варьирование сложных и простых времен индикатива: презенса/сложного прошедшего/перфекта. В списках фаблио «Дурной стыд» (La Male Honte), которое зафиксировано в трех рукописях P., B.N., f. fr. №837 (Version de Huon) (A), P., B.N., f.fr. № 12603 (Version de Huon) (F), Berne, Bibl. de la bourgeoisie, № 354 (Version de Huon) (B), мы столкнулись со следующим чередованием презенса/перфекта/сложного прошедшего:

<p><i>A molt grant paine <u>entre en</u> la sale;</i> <i>A son col <u>ot pendu</u> la male</i> <i>Qui molt <u>estoit</u> grant et velue.</i> <i>Le roi et ses barons <u>salue</u>:</i> <i>«Sire, <u>distil</u>, oiez mon conte:</i> <i>Je vous aport la male Honte; (A, 27-32)</i></p>	<p><i>Au mieus qu' <u>il pot entre</u> en la sale</i> <i>Qui molt <u>estoit</u> grande et velue.</i> <i>Le roi et ses barons <u>salue</u>.</i> <i>Puis si <u>a dit</u>: «O iés men conte:</i> <i>Rois, je t'aport la male Honte; (F, 25-30)</i></p>
<p><i>A l'ainz qu' <u>il pot entre</u> en la sale;</i> <i>Et a son col porte la male,</i> <i>Qui molt <u>estoit</u> granz et velue.</i> <i>Lou roi et les barons <u>salue</u>:</i> <i>«Rois, <u>Jet il</u>, enten a mon conte:</i> <i>lei t'aport la male Honte; (B, 31-36)</i></p>	<p>..... s </p>

Как видим, параллельные контексты трех рукописных вариантов фаблио начинаются с презенса индикатива гл. *entrer - entre* (A, F, B) и перфекта индикатива гл. *poeir - pot* (F, B). Затем в рукописи (A) используется предпрошедшее время гл. *pendre - otpendu*, а в рукописи (B) *ш >езтсчн. porter-porte*, далее во всех трех рукописях (A, B, F) употребляется имперфект гл. *estre - estoit*, после него следует презенс гл. *saluer-salue*. Наконец, в словах автора, которые вводят прямую речь, мы встречаем варьирование перфекта гл. *dire - dist* (A) / презенса гл. *faire - fet* (B) / сложного прошедшего гл. *dire - a dit* (F).

Так, появление перфекта/презенса/сложного прошедшего изначально вызваны общей временной структурой контекста. В рукописи (A) сcribe начинает повествование с презенса - *entre*, который, согласно теории психосистематики² в силу своей двучастной семантики (наличия частицы прошлого (co) и частицы будущего (a), передает значение прошедшего времени, рассматриваемого как одновременное с моментом речи, затем сcribe употребляет предпрошедшее - *ot pendu*, для того чтобы передать предшествование и подчеркнуть, что это действие завершилось до разворачивающихся перед читателем событий в презенсе (*герой повесил на шею мешок до того, как входит в помещение*). После предпрошедшего времени сcribe использует имперфект - *estoit* для передачи признака, качества предмета (*мешок быч большим и мохнатым*), и тем самым за счет уже двучастной семантики имперфекта (семы «déjà» и семы «епсоге»)³ действие мыслится как совершаемое, т. е. ближе к семе «епсоге», поскольку данный признак в момент повествования был «еще» присущ предмету, действие не закончено. Далее сcribe снова прибегает к презенсу - *salue*, поскольку действие продолжает развиваться в плане настоящего, то одно действие следует за другим (*entre, salue* - входит и приветствует). Кроме того, именно за счет этих глаголов *entrer, saluer* в презенсе индикатива читатель воспринимает разворачивающиеся события как их непосредственный участник. В силу своей семантики - гл. *entrer* включает в себя сему «движения», гл. *saluer* имеет значение «приветствовать, обращать-

ся к к.-л.» - оба эти глагола направлены на восприятие читателя, на то, чтобы привлечь его внимание, вызвать ту или иную реакцию, поскольку мы всегда концентрируем внимание, если кто-либо входит или обращается к нам.

Наконец, завершает данный контекст перфект - *dist*, который вводит прямую речь. Употребление перфекта обусловлено тем, что в данном контексте повествование ведется в двух временных плоскостях: с одной стороны, это план настоящего и действия (*entre, salue*), которые при этом направлены в прошлое и таким образом создают переход от плана прошедшего к плану настоящего, с другой стороны, это план прошедшего, в котором действия также последовательно развиваются от предпрошедшего и имперфекта до перфекта, как завершающего развитие повествования.

В рукописи (F) действие также представлено в двух временных пространствах: настоящем и прошедшем. Так, в первой строке сcribe употребляет перфект - *pot* и презенс - *entre*, перфект, как семантически цельная форма, выражает законченное действие, свершившийся факт, а презенс, как и в предыдущем случае, передает значение прошедшего времени, т. е. при переводе мы получаем: *прежде чем он смог, входит в зал*. Перфект в данном случае раскрывает перед читателем план прошедшего, с которого начинается развитие действия, затем посредством двучастной семантики презенса делается плавный переход в план настоящего. Далее следует имперфект - *estoit* и презенс - *salue*, которые употреблены с теми же значениями, что и соответствующие им формы в параллельных контекстах рукописи A. Завершает контекст в рукописи (F) сложное прошедшее - *a dit*, которое, в силу своей семантики (причастие) прошедшее указывает на законченность действия, а в семантике презенса (вспомогательные глаголы *avoir* и *etre*) имеется частица прошедшего⁴ выражает прошедшее время с аспектом завершенности в плане настоящего. Здесь сложное прошедшее использовано сcribe для того, чтобы показать законченное действие в прошедшем, при этом имеющее результат

в настоящем, т. е. в момент развития событий, в момент речи.

Напротив, в рукописи (В) мы встретили презенс - *fet* (В). Употребление презенса в рукописи (В) мы связываем с желанием сcribe развивать события по одной линии. Перфект в начале - *pot* указывает на свершившийся факт, а затем сcribe сразу переводит повествование в план настоящего и не отступает от него за исключением имперфекта (*estoit*), который, так же как и в предыдущих случаях, передает незаконченное действие и подчеркивает наличие признака у предмета, приобретенного еще до начала действия и продолжающегося сохраняться по мере развития действия. Так, все следующие за перфектом глаголы действия употреблены в презенсе, и тем самым они создают соответствующий эффект «реальности» повествования и объединяют рассказчика и слушающего.

С другой стороны, анализ употребления глагольных времен настоящего/прошедшего планов индикатива в фаблю, представленной одной скриптой, показал, что невозможно выделить определенные временные глагольные формы, преимущественное употребление которых характеризует соответствующую скрипту. Можно говорить лишь об общей тенденции в построении временного

пространства в фаблю, проявляющейся во всех старофранцузских рукописях фаблю и заключающейся в использовании плана прошедшего с перфектом индикатива в центре в качестве основы развития действия и плана настоящего во главе с презенсом в качестве основного стилистического приема остановки действия с целью привлечения внимания читателя к описываемым в презенсе событиям, высказываниям персонажей.

Например, в фаблю «Мельник и два клирика», представленном пикардской рукописью Verne, Bibl. de la bourgeoisie, № 354, все повествование построено на временах прошедшего плана: предпрошедшее, перфект, имперфект, сложное прошедшее индикатива, тогда как презенс индикатива появляется лишь в тех случаях, когда скрибу (соавтору) требуется неожиданно остановить развитие сюжета и погрузить читателя в действие, сделать его реальным. В данном фаблю описывается весьма неблагоприятное поведение двух клириков, которые останавливаются на ночлег в доме виллана и, когда все засыпают, перебираются в постель к дочери и жене виллана. При описании действий клириков, которые решили «завладеть» женщинами виллана, сcribe использует презенс индикатива:

*Un autres angin li est creiiz: /Sanpres est de son lit chatiz,
A l'autre lit s'an va tot droit, /Lao li muniers se gisoit;
L'anfant a tot lo briez aporte. /Li clerks tire a l'anfant l'oroille,
Et l'anfes crie, si s'esvoille /Cele ala a son lit tot droit;
Quant ele o'io eü estoit, /Puis est erraumant retornee,
Au cri de l'anfant est alee, /Lo briez trove, dons'aseiire,
Puis solieve la couverture, /Dejoste lo cleric s'est cochiee... (В, 237-251)*

Один клирик, чтобы добраться до жены мельника, вынужден переставить люльку с ребенком, в результате чего виллан, который в это время выходил по нужде, ложится не в свою постель и оказывается в постели с другим клириком. Для описания данной сцены, сcribe прибегает к настоящему времени индикатива: гл. *s'en oiler* (уходить) - *s'an va*, гл. *aporter* (приносить) - *aporte*, гл. *tire* (тянуть) - *tire*, гл. *crier* (кричать) - *crie*, гл. *s'esvoille* (пробуждаться) - *s'esvoille*, гл. *trouver* (нахо-

дить) - *trove*, гл. *soulever* (приподнимать) - *solieve*. Анализируемая сцена является своего рода кульминацией фаблю. Чтобы читатель наиболее точно и реально представил себе эту картину, сcribe решает остановить повествование и использовать распространенный стилистический прием - эффект статики и неожиданности, посредством употребления презенса. Отметим также, что сcribe старается не нагружать контекст излишней витиеватостью, поэтому использует предложения про-

стые по структуре. В результате, если презент создает эффект статичности действия, то простота синтаксических конструкций, наоборот, оживляет действие и делает его динамичным.

Таким образом, в данном фаблио скриб использует не только общепринятый прием представления действия в двух плоскостях (план прошедшего/настоящего), но и выстраивает темпоральный контекст так, что хотя действие словно «замирает», но при этом продолжает быть динамичным за счет использования простых синтаксических конструкций.

Так, мы полагаем, что у носителей старофранцузского языка существовала свое-

го рода модель в организации временной структуры текста, обусловленная, с одной стороны, системными позициями грамматических означаемых глагольных форм времени в языке, и коммуникативно-стилистическими, прагматическими установками - с другой. Субъект (скриб), опираясь на знание языка (системы), языковую компетенцию (устный/письменный узус), а также руководствуясь определенными стилистическими установками, продиктованными литературными и эстетическими предпочтениями, создавал не копию с протографа, а новое законченное произведение, которое мы вполне можем считать продуктом его мыслительной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Woledge B.* Fustes fiz Boeve // *Melanges de linguistique romane et de philologie medievale offerts à M. Maurice Delbouille. Philologie medievale II.* - Gembloux : Editions J. Duculot, 1964. P. 749-756.

² *Guillaume G.* Temps et verbe. Theorie des aspects, des modes et des temps. Paris: Champion, 1929. 134 p.

³ *Ibid.*

⁴ *Скрелина Л. М., Становая Л. А.* История французского языка: Учебник. М.: Высшая школа, 2001. С. 237.